

СВЕТЛЯЧОК

16.08.2013

№8 (29) Август 2013 года

• Каблуково

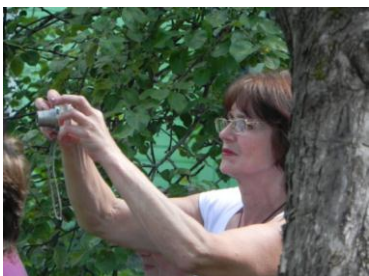
Тринадцать лет фестиваль поэзии «Каблуковская радуга» собирает в конце первой недели июля поэтов из городов и весей не только тверской земли. В этом году в нём приняли участие профессиональные и самодеятельные поэты из 16 регионов России, а так же 32 человека из-за рубежа. Всего в конкурсе участвовали 240 стихотворцев.

Как всегда не остались в стороне и андреапольцы. Четверо участников ещё зимой отправили свои работы на конкурс, и все были приглашены на фестиваль. Но посетить его смогли только Маргарита Петрова и Нина Шандаевская. Марии Черкасовой помешало это сделать здоровье (лагерь размещается на ночь в палатках), а Владимир Юринов в это время участвовал в Грушинском фестивале.

Этот год андреапольцам принёс успех: В. Юринов, заняв второе место, стал лауреатом 2-й степени; М. Петрова, заняв десятое место, стала дипломантом конкурса. Их стихи помещены в альманах и сборник Каблуковских литературных встреч. Удача ждала и М. Черкасову. Одно из присланных ею стихотворений вошло в альманах.

Кроме того, обогатили поэтов многочисленные встречи со старыми друзьями и новые интересные знакомства. Очень полезными для повышения поэтического мастерства стали и мастер-классы, проведённые московскими и тверскими мастерами пера.

На снимках: М. Петрова,
Н. Шандаевская.
Фото П. Бобунова (на
снимке слева).

• КРАЙ РОДНОЙ

Исаак Левитан (18 (30) августа 1860 – 22 июля (4 августа) 1900 гг. Около пятидесяти работ написаны Левитаном в Тверском крае. Шедевры живописи создавались им в Старицком, Вышневолоцком уездах, на берегах озера Удомля.

Его картины – раздумья. Левитан умел выразить состояние души человека, его настроение.

НА ВЫСТАВКЕ ЛЕВИТАНА

Не спеша подумать, присмотреться,
Помечтать о будущем пришла.
Оказалось – заглянула в детство,
В мир, который свято берегла.

Синева весны, истома лета,
Сочные зеленые луга,
Только там остались пятна света,
Ненюфары, лунные стога.

Над рекой, над церковью, над лесом
В облака плывет вечерний звон.
Только тянут в омут злые бесы,
Манит глубина, молчит затон.

В отпуске ждет море, ресторанчик,
А пока работа на износ.
Дунь на холст – пушистый одуванчик
Разлетится, защекочет нос.

Отдохну у дуба великана,
И на мир по-новому взгляну.
Увлекли картины Левитана
В детство – невозвратную страну.

Надежда Егорова,
г. Торопец - г. Москва

«НАД ВЕЧНЫМ ПОКОЕМ»

Книгу с репродукцией раскрою:
Маленькая церковка, погост,
Небо – больше жизни – над водою,
Из мгновенья в вечность тонкий мост.

Берега обрыв, как край Вселенной.
К небесам дорога не легка.
Путь укажет к жизнеосмысленно
Исаака мудрая рука.

Погружусь в предчувстве сладкой муки,
Словно в ностальгический запой,
В страстные Бетховенские звуки,
В вечный Левитановский покой.

Маргарита Петрова,
г. Андреаполь

(продолжение, начало в №13(21) за 2012г., №1(22) - №7 (28) за 2013г.).

Наше время похоже на странный коллаж

Смирнов Юрий Алексеевич

(Любино – Торжок – Маслово)

Дневники 1980 – 2012 гг.

1989

10.11.

Читаю В.В. Шульгина. Монархист. Противник пролетарской революции, а поэтому лишен пролетарской риторики и лжи, но и лишён способности (и желания) обеливать свои ошибки. Этим он мне и интересен, это перевешивает все его политические пристрастия. Он пытается понять, что же в первую четверть 20 века произошло в России с Россией и её народом. А для нас это интересно отражением тех волн: что же сейчас происходит с нами.

Кроме Шульгина зубрю немецкий и польский и готовлюсь к урокам. Так что если не поедет крыша, будем живы и счастливы. А если поедет, – тоже неплохо: идиоты всегда улыбаются, т.е. вечное счастье.

Чувство того, что моя работа никому не нужна – не радует.

19.11.

Почему-то всё поту- и посюстороннее сводят к одному – к борьбе добра и зла. Кстати, и гамлетовское «быть или не быть» и пилатовское «Что есть истина?» элементы того же семантического (и аксиологического) поля. Странно, но, кажется, для меня ни гамлетовской, ни пилатовской проблематики с детства не существовало, точнее, вся эта проблематика выбора сливалась в одну – физического (физиологического? онтологического? аксиологического?) существования. Это пробудилось – первые детские зарубки памяти – при пожаре в отцовском доме, в Чернушке, когда нас с братом вынесла из горящего дома бабушка. Я до сих пор отчётливо помню, как поджёт отцовскую расчёску, положив её на стекло керосиновой лампы, как огонь перекинулся на занавесочку под божницей, как загорелись лежащие на столе отцовские бумаги. Потом – провал. И снова вспышка памяти: я сижу на скамейке, брат – под нею; сверху падают горящие потолочные обои. Отчётливо помню отсутствие страха и боли, нет чувства дыма и удушья, но есть интерес к огню, к его весёлым живым струйкам. И, помню, казалось, что сам стану такой же живой яркой струйкой и буду жить отдельной своей жизнью.

Отца тогда судили, и он с матерью уехал на суд. Из-за пожара его не осудили, а нам пришлось переехать в Любино.

23.11.

Самое ужасное, что создала природа – человеческая толпа, безжалостная, уродливая химера. Это «дно» природы, может быть, её «последний час».

25.11.

Странно, но для России многое, пришедшее с Запада и привитое или прививаемое на русский ствол, чаще всего приносило много крови и горя; хотя большинство из взятого чаще всего позитивно и плодотворно. Откуда же кровь? Природой ли, историей ли мы вывернуты наизнанку? Не случайно: что русскому благо, то немцу – смерть. В нашем языке есть многие маркеры онтологических тайн русского народа.

1990

13.02.

Я становлюсь всё капризней, надоедливей, невоздержанней в своих эмоциях, становлюсь злей. Иногда ловлю себя на том, что не просто бешусь, – зверею. Что происходит? Почему я всё чаще и чаще срываюсь? Чиновники? Они всегда были и это не повод, чтобы, закусив удила, рубить направо и налево.

(продолжение на стр.3).

(начало на стр. 2)

Утомляет школа, утомляет тем, что и родители, и государство абсолютно устранились от образования и воспитания своих чад и маленьких граждан. Но как контроль, – так они первые, и всё знают лучше самих детей и педагогов. Учителя оказались крайними и, естественно, виноватыми во всех смертных грехах.

Наверное, мне лучше уйти из школы или стиснуть зубы и взять себя в руки. Заводиться с пол-оборота, слишком утомительная (и прежде всего, для себя) вещь, тем более малопродуктивная и опасная: засосёт. Но школа мне интересна. Это – моё, я на своём месте.

Жаль, нет рядом друзей и «ни гостя, ни друга не жду». Впору в глюках увидеть «чёрного гостя». Наверное, поэтому немного «сломался» и хандрю. Надоело просто: пустая суета, сальные новости, бесцеремонные намёки – плоские и банальные ежедневной повторяемостью.

Друзья, друзья... Вздыхаю: «...иных уж нет, а те – далече». Приехал на мгновение Вася и ужас моего одиночества грохнул меня по голове после его скорого отъезда. Боже, дай силы не сойти с ума и выжить.

15.02.

Школа на грани выживания, почти агонизирует. Телеэкрэн витийствует неумным оптимизмом. Кто говорит что-то толковое, – мелькнёт и исчезнет. Кино – порнуха и насилие. Демократия, твою мать!

19.02.

Смотрел с учениками в школе документальный фильм о Великой Отечественной войне. Вещи страшные. Но картины человеческих страданий вызвали у детей смешки, в лучшем случае отстранённые дежурные ученические междометия. Чёрствость, как будто они к этому привыкли или это им безразлично. А мои объяснения, что это хроника, что это живые люди, а не киногерои, натолкнулись на безразлично сдержанные ухмылки. Я прервал показ. Не нужно этого им. Чтобы было сострадание, нужно пройти очищение страданием. А, может быть, и хорошо, что у них этого опыта нет? Но оправдывает ли это душевную чёрствость и безразличие. Страшно за детские души. Чем они станут через 5, 10 лет. Помню в школе (в 10 классе?) в Бологове разбирали случай, когда шестиклассников поймали, когда они вешали ... кошку. Её повесили и ещё живую обдирали и ... ободрали. Тогда это ошеломило и возмутило всех. Но сегодняшняя волна криминала, жестокого, циничного, объясняется теми, конца 70-х начала 80-х, «опытами» над животными. Те садисты и циники подросли. Им сегодня по 18 – 20 лет или чуть больше. Теперь они ставят «опыты» на людях. Страшное время. И не вижу выхода. Видимо, этим надо переболеть, как переболевают всякой революцией, всякой болезнью.

20.02.

Толстой назвал Чехова продолжателем дела Пушкина в области формы, отметив, между тем, что А.П. беднее содержанием. Откуда же Толстому увидеть содержательность Чехова, ведь первый принадлежит 19, пушкинскому, веку, а второй, Чехов, – 20. Но и Чехов, и Толстой – две стороны одной медали, невидимые друг другу. Но без них нет и медали.

2.03.

Дети испорчены нашей затхлою цивилизацией и нашей часто неумной, гнилой, брызжащей моралью. Научить их самостоятельно мыслить, трудно, а некоторых – и невозможно. Слишком сильна инерция семьи и телевидения.

6.04.

День за день. Нынче как вчера... Если бы не привычка к чтению, не «книжный голод», сошёл бы с ума или от скуки спился бы.

13.04

Весь день – Бах, Моцарт, Бетховен. Странно, но меня считают почти помешанным, потому что мало интересуется попса. А мне это до лампочки и, к тому же, – смешно.

28.04

Я сегодня увидел, как небо переходит в воду, что синь воды, - только отзвук небесной сини.

(продолжение следует).

• С музейных полок

МУХИ-ГОРЮХИ

Это небольшое сообщение основано на моей статье, опубликованной десять лет назад в западнодвинской районной газете «Авангард». К величайшему сожалению, с тех пор, как материал вышел в свет, каких-то дополнительных сведений по освещаемому вопросу у меня не прибавилось. Причина тому – уход из жизни многих старожилов, невозможность отыскать какие-либо сведения в архивах, отсутствие таковых в литературе. Поэтому первоначальный текст, подготовленный мною к печати, в сегодняшнем своём выступлении я даю практически без изменений.

В октябре 1997 года, путешествуя с руководителем этнографического центра города Ржева С. В. Моряковым для записи фольклора по деревням Андреапольского района, обнаружили мы описание интереснейшего народного осеннего обряда. Суть его заключается в следующем. В начале бабьего лета, 14 сентября (1-го по старому стилю – Семенов день, Симеон-летопрободец) жители сельской местности хоронили... мух. Сразу же замечу, что все, кто мог поведать нам о мушиных похоронах, родились в южной части нашего района (бывшая территория Сопотской волости Бельского уезда Смоленской губернии). В иных окраинах и всях лишь кое-где едва сумели припомнить о таком чудном действе. Во многих же случаях откровенно смеялись: «Это пьяницам, да кому делать нечего».

Хотя, по-видимому, обряд был распространён во многих центральных российских губерниях, вымирать он начал ещё в XIX веке. Единственный (на нынешний момент) письменный источник по данной теме, какой мне удалось разыскать с помощью преподавателя исторического факультета

Тверского государственного университета И. Г. Воробьёвой, был опубликован в IV книге тома XXVIII «Трудов этнографического отдела Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете» (М., 1877), в протоколе 23 заседания от 13.03.1877 года. Это письмо члена-сотрудника общества В. Шейна, содержащее собранные сведения по обряду. Весь смысл в нём сведён к обычному суевию крестьян: похоронами мух, тараканов и других насекомых изживаются из домов и остальные твари зловредной энтомологической породы. Между прочим, Шейн приводит интересное для нас сообщение о «похоронных песнях»: «Песни, которые поются при этом, раскашица, к сожалению, не могла припомнить». На мой взгляд – явное указание на позднейшую подмену древнего языческого календарного обряда обычным суеверием!

Одну песню, записанную в Зарайском уезде Рязанской губернии, В. Шейн цитирует (см. в рамке):

Но вернемся к андреапольским краям. Даже из того, что нам в конце 1990-х гг. удалось записать, видно, что характерные черты «похорон» мух присутствовали везде.

Татьяна Никифоровна Смирнова из д. Копытово, 1914 г. р., вспоминала: «Праздник справлялся каждый год осенью, 14 сентября. Собирались окрестные деревни – Фролово, Шустино, Подвьязь, Копытово, Гусево, Губино. Зажигали пуки соломы на шестах и с этими шестами шли на гору.

(продолжение на стр. 5).

«Стоят стожки зеленые,
Поют петушки молодые,
Они чуют свадьбу большую,
Большую, не меньшую, комареву.
Задумал комар жениться,
Слетались мушки-погремушки
На свадьбу, на большую комареву,
Комарик на мушке женился,
Завел мушку в чуланчик,
Стал мушку спрашивать:
«Что ты, мушка, умеешь?
Чему ты, мушка, горазда?»
«Я ни ткать, ни прясть не умею,
Ни починочки мотать не горазда,
Только я мушка, умею
С крыночки на крыночку летать,
Из-под крыночку сметану таскати!»
Разсердился комаречик на мушку,
Полетел комаричек выше лесу:
Опустился комаречик на дубочек,
Под ним сырой дуб раскачался,
Комаречик на дубу раздремался.
Упал комаречик со дубочка,
Разбил свою буйную головушку.
Слетались мухи-погремухи
Комаречка хоронити.
Завернули его во тряпичку,
Положили его во лубочек,
Понесли комаречка хоронити
К большому ко приходу, ко отходу».

(начало на стр. 4).

Впереди шли женщины со спичечными коробками, в которых лежали мертвые мухи. Женщины плакали голосом по этим мухам:

Ой, мушеньки мои горюшеньки,
Как вы нас помучили!
Тараканчики-барабанчики,
Как вы нас кусали!

Дальше не помню. Песни были, как на настоящих похоронах. Сзади всех шла такая баба Машка, её в деревне колдуньей звали. Она била в печную заслонку, - вроде как, вместо церковных колоколов. Приговаривала: «Господи, помилуй...». Ну, и ещё какие-то свои присказки добавляла.

Приходя на гору, копали ямки, и в них закапывали эти коробки с мухами. Мух поминали там же, на горе, сваренной из пшеницы кутьей. Всё это было часов в шесть вечера. Когда начинались сумерки – уходили с горы, а потом гуляли, молодёжь по-своему, бабы по-своему».

А вот как вспоминала об этом дне жительница Андреаполя, уроженка д. Глухарёво, Жарковская Татьяна Ивановна, 1914 г. р.: «Мух собирали по окнам. Хоронили в спичечных коробках, да не в одной, а штука в трёх. Зажигали факелы и собирались на гору – это где-то в километре от деревни. Солома для факелов была скручена и обмазана чем-то (дегтем-?) так, что пока её несли на шестах, она горела. Несли эти факелы человек шесть, а участвовала в похоронах вся деревня. Начинать к вечеру, ходили час – полтора. Один мужчина бьёт по печной заслонке железкой какой-либо. А мы плачем:

Мушеньки-горюшеньки,
Кто по вам поплачет –
Волк косматый,
медведь лохматый,
Да я, горюшенька...
Ох!

Вот придём на место, выкопаем ямку и зароем эти коробки с мухами. Ещё поплачем – и пойдём. Придём все к кому-то одному в дом, и часа два сидим за небольшим столом, поминаем. А потом расходимся домой. На стол ставим всё, что есть. Мужчинам – пол-литра. «Вы, - говорим, - хорошо грохотали».

В обоих описанных случаях, если внимательно приглядеться, присутствует несколько обязательных атрибутов языческих календарных обрядов. Первый – хоронили не где-либо на огороде, а непременно несли на горку. На ту самую, где справляли все другие праздники, такие, как Масленицу.

Второе. Несли шесты с зажжённой соломой – пуками, или скрученной жгутом. Третье – били в заслонку – отгоняли нечистую силу, злых духов. И четвёртое – в процессии обязательное участие всего населения. Кстати, до спичечных коробков мух хоронили в «гробах», сделанных из картофеля или свёклы.

О природе обряда, из-за скудости данных, мы можем только догадываться. Но доля разумного, способствующего пониманию и объяснению, есть в уже упоминавшемся мною документальном источнике. В своей резолюции на письмо Шейна член Императорского общества любителей естествознания, антропологии и этнографии при Московском университете В. Ф. Миллер написал следующее:

«Изображая наглядно поворот солнца на зиму, народ, как известно, хоронит чучело солнца, Купалу. Подобным же образом хоронит он и атрибут солнечного божества – мух, которые действительно с начала осени (с бабьего лета) начинают исчезать. Но с течением времени обряд, связанный с известным переходом в году, отделяется от этого перехода и получает общее значение. Похороны мухи, как и похороны Купалы, сначала действительно прообразовывали события природы, то есть смерть солнца и мух; впоследствии же обряд похорон стал совершаться тогда, когда желали избавиться от мух в жилищах, хотя бы смерть их и не была своевременна. Наконец обряд распространен и на других насекомых, смерть которых не связана уже с окончанием лета – на клопов, тараканов, блох. Итак, в обряде следует различать более и менее древнюю формацию».

Полагаю, что моё сообщение заинтересует собирателей фольклора, и будет способствовать активизации опроса населения на предмет записи хоть какой-то информации о «мухах-горюхах» и их «похоронах».

Валерий Линкевич,
директор Андреапольского краеведческого музея имени Э. Э. Шимкевича

• Молодые голоса

«ТИХАЯ МОЯ РОДИНА...»

Казалось бы, Андреаполь – простой, уездный городишко, каких по всей России не перечесть, таких, как эта, провинций много, но именно эта одна.

Мне так кажется, наверное, потому, что почти все мое детство прошло здесь, в Лугах и Андреаполе.

Не знаю, почему андреапольцы, луговчане и другие жители сел и небольших, но, на мой взгляд, очень уютных деревушек и городков, с пренебрежением относятся к своей «малой Родине», ну или скажем, несколько стесняются ее что ли и своего «деревенского» происхождения.

Я прекрасно понимаю, что в большом городе больше возможностей, что молодежи сейчас трудно устроиться, но ведь, я думаю, все дело не только в «большой деньге»? Почему все перевернуто с ног на голову?! Почему важнее стали машины, тряпки и другие материальные ценности, а не красота вокруг нас?

У меня огромное желание донести до всех простую истину, которая может и не затронет многих, но мне с моей, может быть, еще молодой, но чувствительной душой, всё же хочется раскрыть свой опыт жизни, свой взгляд на вещи.

Хочется кричать иногда о красоте, которая везде, повсюду, например: бабочка черная, с белым рисунком на резных крылышках, сидящая пусть и на куче поезда, на который никто не взглянет, но все равно красиво же! Или если идешь по проселочной лесной дороге или даже по асфальту, спугнешь стайку белых бабочек-капустниц, они взлетят все и кружатся вокруг в воздухе. Разве это не романтика?

Или те же, казалось бы, прославленные всеми закаты и рассветы, богатые россыпи звезд в морозную ночь или августовские звездопады холодными уже вечерами.

Думаете это мелочь? А я чувствую, что когда ты привык к воле, простору, зеленым полям, лесам и лугам, уютным деревенским домикам с резными окошками, к коровам на лужку – это не мелочь!

Приехав в город, ты никогда всего этого не увидишь! Да, там работа, деньги, уют, там лучше, но все это ширма, за которой скрывается глубокое одиночество, огромная усталость, иногда даже нежелание жить, скука, проблемы со здоровьем. Душа зажата в тиски, и ощущение такое, что она хочет вырваться на волю.

Если ты вечером в Москве, пусть даже не в центре, на окраине где-нибудь, поднимешь голову к небу, то ты не увидишь там никаких россыпей звезд. Ты с трудом разглядишь за облаком смога жалкий клочок синюшного неба с небольшими вкраплениями звезд. Поднимешься утром, то, если повезет, сможешь услышать, как надрывается какой-нибудь соловей или другая птичка, пытаюсь перекричать шум машин, людей и другие городские звуки. Там, даже рано утром и поздно вечером не бывает шемящей тишины, когда, остановившись, замерев на секунду, ты сможешь послушать только пение птиц, стрекотание кузнечиков, жужжание майских жуков, увидеть беззаботное порхание бабочек с одного цветка на другой. Там даже мухе и той будешь рад, я не говорю уже о комарах, которых на девятом этаже не наблюдала, собственно как и на улице. С одной стороны хорошо – не кусают, но с другой – чего-то не хватает для ощущения полноты жизни. Комары ведь тоже вносят свой вклад в общий оркестр жизни.

Городская круговерть засасывает тебя настолько, что ты просто не успеваешь и не можешь обратить внимание на мир вокруг тебя. Ты вечно суетишься, бегаешь, снуешь туда-сюда. Человек, куда ты бежишь? Зачем? Остановись, оглянись вокруг! Может быть, ты заметишь что-то удивительное рядом с собой!

А какие страшные, безвкусные, серые дома в городе, редко-редко когда увидишь что-то стоящее, разве только старые улицы еще более или менее хороши. Бабушка называет такие безликие высотки попросту гробами, потому что они длинные и темные.

Зато когда идешь по деревне, или когда едешь на маршрутке по Андреаполю, просто любишься видом – какие красивые, уютные, ухоженные и аккуратные домики: на окошках резные нарядные наличники; огромные клумбы цветов; аисты, лебеди, вырезанные из баллонов, стоящие перед домом. Ну разве не загляденье?

Я бы, наверное, ни за что на свете не променяла небольшой уютный домик возле тихой маленькой речки с небольшим садиком, огородом, уединенной беседкой, качелями и кучей цветов вокруг дома. Ах, если бы он у меня только был!

Но, увы и ах, я его не имею и, к сожалению, неизвестно, будет ли он у меня. Но если вдруг, ну, предположим, случится чудо, и он появится, и я буду предстоять перед выбором: домик или город, то знайте: я ни за что на свете не променяю его на пыльную помойку большого города, даже если такая возможность представится очень не скоро!

Крискентия Алексева,
д. Луги

• Музыкантам всех времён
КОЛОКОЛ

«...Я люблю время
колокольчиков».
(А.Башлачёв)

...Сердце колокольчиком билось под рубахою –
Уноситесь, вороны непотребных душ! –
Рвалось ошалелою, заплутавшей птахою
Через стену тягостных, заунывных стуж.

Эхо отзывалось звонкими двенадцатью,
Медными обрывками колокольных фраз.
Темнота предстала вдруг чьей-то тайной

памятью

С уголками влажными покаянных глаз.

Рассыпалось золото на четыре стороны,
Растекался вольницей непокорный стих!
Только звон неистовый пролетел надорванно
Под лазурным куполом – и внезапно стих.

Иссякает золото под февральским холодом,
Бесы стелют под ноги роковой карниз.

...Обними в последний раз свой разбитый
колокол,

Бросив тело птицею с парашюта вниз.

**Игорь Столяров,
г. Нелидово**

МУЗЫКАНТ

*Саше Петрову, саксофонисту из группы
UEBANDA (Тарту), двоюродному
брату моей дочери.*

Штаны из лондонского «Чарити»,*
Рубашка с русского базара.
Британцы, можете не париться,
Мне Лондон ваш не нужен даром.

Я музыкант, и здесь по случаю
На ваших площадях играю;
Свой сакс мелодиями мучаю,
И звуки радостно вбираю.

Свободен я, свободна музыка,
Как птиц кочующие стаи.
На улицах больших и узеньких
Мелодии легко взлетают.

Не знаю, где душа попросится,
Где завтра заново осяду.
Джаз без границ по миру носится,
И нет со своевольным сладу.

***Чарити** – сеть благотворительных
магазинов вторичной продажи.

**Маргарита Петрова,
г. Андреаполь**

МУЗЫКАНТ И КОРОЛЬ

Памяти Даниила Хармса

– Так что ж, музыкант, – сказал король, –
играть ты, я вижу, мастак.

Но от роли такой меня ты уволь,
ты с ней – навсегда – бедняк.

– Ах, мой король, – сказал музыкант, –
ведь есть и другой резон:
я нищ, но я видел рассвет и закат,
а ты – лишь свой шаткий трон.

Но деньги, – король закричал, – пойми!
Они ведь даруют власть!

Я властен над всеми и всем, чёрт возьми!
И в этом – от власти сласть!

– Увы, глупцы, – музыкант сказал, –
бывают и средь королей.

Я песню, как птицу, выпущу в зал,
и ты – не властен над ней!

Был брошен в тюрьму он, но камень стены
и тот способен звучать.

И вскоре запела вся стража тюрьмы
и вся королевская рать.

Тогда он был сослан на остров глухой
за семь штормовых морей.

Но вскоре песню запели – э-хой! –
матросы всех кораблей.

Но знал король – не станет звенеть
колокол без языка.

И кликнул он смерть, и ночью во сне
зарезан был музыкант...

И молча падал на башни снег,
и спал в тишине дворец.

Но раз по весне, под окном на сосне
ту песню запел скворец.

У царских особ – особая роль,
на то и царская кровь.

И вписан в анналы бравый король
Никто 62-й.

А что ж музыкант? Его звали никак
и родственник он ничей.

Но песню его – хоть прошли века –
каждый поёт ручей!

Давайте ж, друзья, пустимся в пляс!
Громче споём, друзья!

Ты жив, музыкант, пока среди нас
песня жива твоя!

**Владимир Юринов,
г. Андреаполь**

● Мы помним Вас

НЕДОПЕТАЯ ПЕСНЯ

Известие о смерти Валерия Борисовича Осипова потрясло жителей Торопацы и района, всех, кто его знал, или был знаком с его поэтическим творчеством. Ушёл из жизни замечательный человек, добрый отзывчивый товарищ, талантливый поэт.

Порой о человеке говорят: «Где родился, там и пригодился». Эти слова в полной мере можно отнести к Валерию Борисовичу Осипову. Вся его жизнь от начала до конца неразрывно связана с Торопацким краем. Родился он в деревне Козлово Село. Начальное образование получил в деревне Коростино, потом была восьмилетка в Торопаце. Среднее образование он получил в Андреапольской средней школе №1. В школьном, юношеском возрасте начались его первые стихотворные упражнения. Рифмы складывать начал на спор, а потом они уже сами приходили в голову. И так всю жизнь. У Валерия Борисовича выходили очень хорошие стихи. Их могло быть и больше, просто он далеко не всегда записывал то, что рождалось в голове. Бывало, что это случалось совсем неожиданно и, как говорится, в этот момент было не до карандаша.

После школы служил в армии на Дальнем Востоке. Через три года вернулся в родные края и стал работать в сельском клубе. Затем трудился шофёром в совхозе «Глубокое». В 1970 году его, сельского шофёра, направили в Москву, на обучение в Тимирязевской академии. Всю жизнь В.Б. Осипов считал, что вытащил тогда счастливый билет. Из такой глубинки судьба позволила ему на несколько лет окунуться в столичную жизнь. Получив специальность агронома-экономиста, совхозный стипендиат вернулся в родные пенаты, пять лет проработал в совхозе экономистом. Затем был назначен на должность секретаря парторганизации. Девять лет был отличным лидером земляков-коммунистов.

Он добросовестно относился к любой работе: где бы ни трудился, везде был человеком на своём месте. Последнее место работы Осипова – Торопацкий Дом культуры, там, где он и начинал свою трудовую биографию. Валерий Борисович считал, что судьба его не случайно привела опять в культуру. По природе он человек очень одарённый и творческий. Любовь к музыке началась с деревенских гулянок, где маленький Валера заслушивался игрой местных гармонистов. Очень хотелось играть самому, мать купила ему тульскую гармошку. Учился играть по самоучителю. Профессионально осваивал баян в годы учёбы в Андреаполе, в армии играл в ансамбле. Участь в академии, окончил факультет общественных профессий по классу «баян». Всегда был активным участником художественной самодеятельности, принимал участие во многих районных смотрах. Его игра привлекала слушателей.

Было у Валерия Борисовича ещё одно увлечение – рисование. Со школьных лет рисовал и карандашом, и акварелью. Рисовал для себя, говорил, что места наши живописные к этому располагают. Но из всех увлечений ближе ему всё же была музыка. И когда было хорошо на душе, и когда не очень, брал в руки баян.

Большая часть его поэтических и музыкальных произведений посвящена родному краю, землякам. «Торопацкий вальс» стал своеобразным гимном родного села. Уже не один год любое мероприятие в клубе начинается с этого произведения.

Как истинный талант Валерий Борисович был человеком очень скромным. Никогда не считал себя поэтом, говорил, что это просто его увлечение, но при этом с большим уважением относился к творчеству других людей. Умел добрым словом поддержать литературные начинания своих земляков. С большой ответственностью подбирал песни для выступления каждого участника художественной самодеятельности, зная и учитывая возможности каждого. Его жизнь была как песня, русская, душевная, но оборвалась неожиданно, словно недопетым куплетом. В нашей памяти Валерий Борисович Осипов останется светлым человеком, образованным, высоко эрудированным, талантливым, интеллигентным. И самое главное, останется живым.

Участники художественной самодеятельности Торопацкого Дома культуры.

● Неопубликованное

Валерий Осипов
ЗИМНИЙ ВЕТЕР

Снег летает белый-белый,
Словно стая лебедей,
Заметает дальний берег,
Память юности моей.
Что упало, то пропало,
Всё, что было, то прошло,
Только вот любви не стало,
Унеслось её тепло.
Вновь стучится зимний ветер
В заметённое окно, -
Как я раньше не заметил,
Что любовь прошла давно?
Пусть сгибается калина
На пронзительном ветру -
Скоро я тебя покину,
Мы простимся поутру.
Как бы вьюги ни кружили,
Гнев и горе - не для нас.
Мы с тобой нескладно жили,
Будем честными сейчас.
Постарайся улыбнуться,
Взгляд слезами не печаль,
Я не дам тоске проснуться,
Мне прошедших лет не жаль.
Не гуди ты, зимний ветер,
Память сердца не тревожь.
Вдруг я понял в этот вечер:
Мир по-прежнему хорош.
Белый-белый снег летает,
Словно стая лебедей,
Дальний берег заметаёт,
Память юности моей.
Сложно жить на этом свете,
И в безмолвии ночей
Снится мне зелёный ветер
Благодатных майских дней...

ВАЛЬС ОСЕННЕЙ НОЧИ

Над деревенькой - небо
Серое, как вода.
Здесь я давненько не был,
Нынче пришел сюда.
Дождик шуршит чуть слышно
По облетевшей листве,
По деревенским крышам,
Прячась в сырой траве.
Верь или не верь приметам -
Делай прогноз, как встарь:
Всполохи бабьего лета
Вмиг погасил октябрь.
Рядышком - пруд заросший,
К берегу нет следа;

Над опустевшей рощей
В тучах мелькнула звезда.
Дождик вдруг прекратился,
Мы развели костёр.
Над берегом покатился
Медленный разговор.
Отблеск костра ночного
В озере и в глазах,
И говорим мы снова
О живших здесь земляках.
Как травы в росе косили
На хуторе у реки
В бодром здоровье и силе
Козловские мужики.
А зимними вечерами,
Собравшись в одной избе,
Беседовали часами
О жизни и о судьбе.
И кто-то из них самокрутку
От лампы, как все, прикурив,
Рассказывал прибаутку,
Сидящих вокруг рассмешив.

Долгая ночь осенняя
Ближе к утру идёт,
А деревенька древняя
Рассвета уже не ждёт.
Ветер кусты полощет,
Вмиг разбудив нас всех,
И в облетевшей роще
Крутится без помех.
Пепел легко вздымает
Умершего костра,
Словно напоминает:
Нам уходить пора.
Рядышком - пруд заросший,
К берегу следа нет...
Над опустевшей рощей
Поздний встаёт рассвет.
Небо над деревенькой -
Серое, как вода.
Не был я здесь давненько,
Нынче пришёл сюда.
Я, не прощаюсь - знаю:
Сердцу не устоять -
С зеленью Первомая
Буду я здесь опять.
И снова всё возвратится:
Неуловимой птицей
За годом год пролетит,
И бабье лето вернётся,
Погожим днём улыбнётся,
Золотом заблестит.

- Размышления о прочитанном

ЕЩЁ РАЗ О «МАСТЕРЕ И МАРГАРИТЕ»

Про «Мастера и Маргариту» написано море всяких литературных домыслов, по большей части бредовых, но про одну из линий романа, без которой его нельзя понять в принципе, никто не писал.

Но прежде надо заметить, что дед и отец Михаила Булгакова были священниками, а отец, кроме того, профессором духовной академии, написал 7-ми томную Православную энциклопедию и «Настольную книгу священнослужителя» в 2-х томах. Так что Михаил очень хорошо разбирался в этих вопросах.

Не знаю, заметили ли Вы или нет, что все главные события романа разворачиваются 14 нисана, это день первого полнолуния после весеннего равноденствия, в этот день иудеи праздновали свою пасху, воспоминание об их освобождении от египетского рабства. Иудейская пасха начинается вечером 14 нисана. Именно поэтому к вечеру все распятые должны были умереть, и разбойникам перебили голени.

Но сам роман начинается 12 нисана, в Страстную Среду, когда первосвященники и книжники решили убить Христа. «Тогда собрались первосвященники и книжники и старейшины народа во двор первосвященника, по имени Каиафы, и положили в совете взять Иисуса хитростью и убить; но говорили: только не в праздник, чтобы не сделалось возмущения в народе». (Матф.26:3-5)

Иуда, в этот же день, предложит первосвященникам предать Христа: «Тогда один из двенадцати, называемый Иуда Искарот, пошел к первосвященникам и сказал: что вы дадите мне, и я вам предаю Его? Они предложили ему тридцать сребренников; и с того времени он искал удобного случая предать Его». (Матф.26:14-16) Впоследствии Иуда удавился.

И в это же время коммунистический синедрион (Берлиоз и Бездомный) решает, как ещё раз предать Христа на распятие.

В Страстную Среду жена изливает миро (благовонное масло) на голову Иисуса уговоряя его к погребению: «Когда же Иисус был в Вифании, в доме Симона прокаженного, приступила к Нему женщина с алавастровым сосудом мира драгоценного и возливала Ему возлежащему на голову. (Матф.26:6-7)

И в этот же день в Москве голова Берлиоза катится по маслу, пролитому другой женой (Аннушкой) на трамвайные пути.

На следующий день, вечером Великого Четверга во всех храмах проходит «служба 12 Евангелий», читаются Евангельские свидетельства о страданиях Христовых, и именно в это же время в варьете проходит сеанс черной магии. Так что на службу к Воланду устремился вполне определённый контингент прогрессивной части Москвы. И именно этот контингент оказывается беззащитным перед Воландом.

Утром в Страстную Пятницу, когда в храмах идет чтение Часов, а апостолы стоят за линией легионеров, с ужасом наблюдая распятие Господа, прогрессивная коммунистическая «элита» проводит тоже в окружении милиции, ограждающей очередь за билетами в варьете.

Шествие с гробом безголового Берлиоза – соответствует Выносу Плащаницы в Православных храмах.

Бал у сатаны идет в ночь с Пятницы на Субботу. Маргарита купается в кровавом бассейне. В древней Церкви именно в ночь на Великую Субботу оглашенные принимали крещение – в образ смерти и Воскресения Спасителя. Но Воланд не может остаться в Москве к моменту Воскресения Иисуса Христа: «Мессир! Суббота. Солнце склоняется. Нам пора». И Мастер с Маргаритой также уходят раньше Воскресения Христова.

Эта Православная Пасха нигде не упоминается. Но события ведут к ней, и в эпилоге на это прямо намекается: «Каждый год, лишь только наступает весеннее *праздничное* полнолуние...».

И перед своим «отлётом» Воланд с крыши Дома Пашкова обозревает Москву. Воланд не случайно оказывается на крыше именно дома Пашкова. Это здание Государственной библиотеки. «Тут в государственной библиотеке обнаружены подлинные рукописи чернокнижника Герберта Аврилакского, десятого века, так вот требуется, чтобы я их разобрал. Я единственный в мире специалист», - объясняет Воланд официальный мотив своего приезда в Москву.

И здесь мы снова видим противопоставление «единственно верного учения научного материализма» Воланда Божественному Откровению Евангелия.

Полное раскрытие этой темы романа Михаила Булгакова «Мастер и Маргарита» требует отдельной, большой работы, тезисы которой изложены выше.

Алексей Прихожанин,
д. Волок

• Гости клуба

Петр Бобунов

г. Нелидово

ЖЕЛЕЗНОДОРОЖНЫЙ ПОПУТЧИК

Как славно в перестук колёс
Вплетать неспешную беседу,
То ни о чём и не всерьёз,
То каяться и исповедать.
Стаканов тихий перезвон
Доброжелателен и тонок,
Бежит, качается вагон
На стыках жизненных историй.
Под откровенный разговор
Становится теплей и лучше,
Как будто сбрасывают горб
И ржавую кольчугу души.
А за окошком города
Проскальзывают незаметно
Из ниоткуда в никуда,
Не смея вторгнуться в беседу.
Но, - рано ль, поздно, - суета
Ворвётся станцией конечной...
Благословенны в поездах
Необязательные встречи.

Залюбуюсь на весну,
Тихо встану.
Залюбуюсь и вздохну, -
Вспомню маму.

Птицы весело поют,
Снег растаял.
Я, как вкопанный, стою, -
Прорастаю.

От сырой земли парок,
Будто ладан:
«И о чём грустить, сынок,
Я-то рядом!»

Босой и счастливый, по памперсы в цыпках,
Сопя от избыточных чувств,
Он ловит в грязи невозможную рыбку, -
Такой деловой карапуз!
Мне лет уже много, и многое знаю,
Давно уже пыл поутух.
А тут загорелся: хоть он пусть поймает!
Я всё понимаю, но... вдруг!

* * *

Всю ночь прогресив, счастьем полон,
оставив негу и кровать,
я ощутил себя простором,

который просто не объять.
И спозаранок шлейф волшебный
едва за мною поспешал –
нет мест, где я ни разу не был,
и нет, чего б не совершал.
Сбывались таинства благие,
творились наново законы.
И всё благодаря богине,
мне вдруг кивнувшей благосклонно.

** *

Время хлеба и зрелищ – октябрь-златошвей,
Жизнь без мух, толковищ комариных.
Зыбко-призрачный звон хрустала среди полей
От украсивших мир паутинок.

Набухает в почти задремавших борах
Золотистая сытая нега...
И вдруг всё всколыхнёт журавлиный корабль,
Разрывая призывами небо!

Это значит, что скоро уже холода,
То есть, жить предстоит по-другому.
В октябре с каждым днём всё пронзительней даль,
Всё прозрачней вода водоёмов.

* * *

Бесприютность и беспросветность,
Вот такая во мне нынче блажь.
Глухо, ровно, ни всплеска, ни ветра,
Нескончаемо, как карандаш.

Крыши, крыши, и каждая – локоть,
Заунывны мои бубенцы,
Одинаковость и одиночество –
Суть сиамские близнецы.

Зацветающего хрена
Аромат густой, медовый.
И не так уж жизнь мгновенна,
И совсем не так хренова!
Надышусь самозабвенно,
Чтобы запах опьянил:
Вообще, какого хрена
Раньше мимо проходил?
Есть растенья (кто бы спорил!),
Чьи изысканней цветы,
Но такой ли у них корень,
Если надо остроты!?

*И ещё, для смеху. По дороге в Западную наши
женщины много пели, так я под настроение
песни «Отцвела за окошком» придумал:*

Отцвела в огороде картошка.
Этим летом совсем я измучена:
До морозов осталось немножко,
А ни картошка, ни я не окучена.

Владимир Юринов

На картах не значитсЯ

Оглядываясь на эпоху: записки лейтенанта

О знаменитой орловской пыли я, как вы помните, написал. О грязи тоже упомянул, но как-то так – вскользь. Тем не менее последнее явление заслуживает более вдумчивого подхода и гораздо более подробного описания. Ибо, несмотря на то, что в Орловке оно имело место быть в течение совсем небольшой по продолжительности части календарного года, запоминалось оно, а точнее, связанные с ним особенности жизни и различные происшествия, надолго.

Поэтому, я полагаю, что в повествовании совершенно необходима отдельная глава, рассказывающая...

О ГРЯЗИ

Особенностью орловской местности являлось то, что она располагалась в непосредственной близости от зоны залегания вечной мерзлоты. Граница этой зоны проходила всего километрах в 50-100 севернее. Поэтому вблизи самой Орловки мерзлота лежала «пятнами». Так жилой городок стоял на обычном грунте, и в самую лютую зиму можно было, «прогрызя» верхний промёрзший до каменного состояния слой, добраться до мягкой незамёрзшей земли. А вот под аэродромом и прилегающими к нему постройками мерзлота была, и это порождало массу проблем, порой самых неожиданных. И основной проблемой, конечно, была грязь.

Сезон распутицы длился в Орловке недолго, но отличался редкой насыщенностью и интенсивностью. Вообще, конечно, грязи на российских дорогах хватает, и удивить грязью в России можно разве что непуганых иностранцев или совсем уж рафинированных столичных жителей – «замкадышей». Попадают на российских просторах совершенно замечательные образцы дорожной грязи, можно сказать – грязевые эталоны. К таковым можно отнести и жирную воронежскую грязь, и удивительно скользкую, глинообразную – саратовскую, и восхитительно липкую – самарскую. В сравнении с вышеупомянутыми, орловская грязь не отличалась ни особой жирностью, ни повышенной липкостью, ни каким-нибудь своим, не похожим на других составом. Но была, была у неё одна своя, совершенно особенная, «фирменная», черта – почти всегда под этой грязью скрывался лёд. Буксующая где-нибудь на ростовском или на смоленском просёлке машина, имеет в конце концов шанс – конечно, при известном запасе мощности и дорожного просвета – доскребтись колёсами до твёрдого грунта и, пусть и оставляя за собой глубокую колею, но выбраться «на свет божий». Орловские машины такого шанса не имели. Проскребя толстый ли, тонкий ли поверхностный слой грязи, они всегда находили под ним лёд и в дальнейшем могли елозить по этому льду любое количество времени, ограничиваемое только терпением водителя и запасом топлива в баке.

Грунт над вечной мерзлотой в районе Орловки протаивал к концу лета сантиметров на 30-50. Удивительно, но местные аграрии умудрялись на здешних полях даже что-то выращивать. Конечно, экстремальные условия земледелия предполагают использование экстремальных земледельческих средств. И именно на прилегающих к Орловке сельхозугодиях я впервые в жизни увидел зерноуборочные комбайны на гусеничном ходу.

Вообще-то, гусеничные комбайны не такая уж большая редкость. Но применяются они обычно в рисоводстве – на залитых водой рисовых чеках. Здесь же смекалистые землепашцы приспособились убирать на них сою и рожь.

Когда я в первый раз увидел шпарящий вдоль дороги на гусеницах комбайн, я поначалу воспринял это явление как весёлую шутку местных механизаторов. В те времена большой популярностью пользовались анекдоты из серии «ТАСС уполномочен заявить». Типа: «Вчера в

(продолжение на стр. 13)

(начало на стр. 12).

районе советско-китайской границы с китайской стороны был обстрелян мирно пашущий советский трактор. Ответным огнём из трактора противник был уничтожен. ТАСС уполномочен заявить, что при повторении подобных инцидентов советская сторона оставляет за собой право на применение жаток залпового огня и комбайнов вертикального взлёта». Не чем иным, как наглядной иллюстрацией этого анекдота, я сие чудо сельхозтехники воспринимать тогда не мог. Но потом я увидел целые батальоны таких комбайнов и понял, что это – всерьёз.

Подпочвенный слой мерзлоты приводил к тому, что при таянии снега или после любых, даже самых незначительных, осадков любой участок почвы превращался в болото. И это естественно – воде ведь уходить некуда, внизу лёд. Особенно интересно смотрелись болота на вершинах сопки. Представляете? Поднимаетесь вы на гору, а там... болото. Или даже озерцо. В европейской части такое попросту невозможно физически. А на забайкальских или дальневосточных сопках подобное явление можно обнаружить сплошь и рядом.

Много хлопот «живой» грунт доставлял аэродромной службе. После таяния снега аэродром начинал «плыть» – проваливались целые участки взлётно-посадочной полосы, «играли» под весом самолёта плиты на рулёмках. Слякотное межсезонье было настоящим проклятием аэродромщиков. Спать им в это время не приходилось вовсе. Благо, период этот длился в Орловке совсем недолго – всего несколько недель. Потом грязь либо засыхала, либо замерзала.

Надо ли говорить, что любой съезд с твёрдого бетона любого транспортного средства – будь то автомобиль или самолёт – заканчивался в эту пору плачевно. Мне в этой связи вспоминаются два случая.

Первая история начиналась прозаично, буднично и, казалось, никаких тяжёлых последствий в своём развитии не предполагала. Съехав с бетонки, увяз в грязи топливозаправщик. Как его угораздило залезть в грязь, что его понесло с бетона в чисто поле – за давностью лет я уже и не вспомню. Да это и не важно. Важно, что застрял этот топливозаправщик в грязи, как принято выражаться в подобных случаях, – по самые уши. Метрах в двадцати от ВПП – взлётно-посадочной полосы.

Ну что, застрял и застрял. Мало ли их застревало. Как говорится, не он первый, не он последний. Вздохать поздно, надо вытаскивать. Подогнали к краю бетонки «Урал», протянули к застрявшему бедолаге трос, подёргали – бесполезно. Крепко сидит. Подцепили цугом два «Урала» – та же история. Послать «тягач» в обход и подёргать с другой стороны было невозможно – там бы этот «тягач» и остался. Начальство призадумалось. Время поджимало – на следующий день намечались полёты, а летать с наличием такого «подарка» в непосредственной близости от ВПП, разумеется, было недопустимо.

Посоветовавшись, пригнали гусеничный бульдозер. Тот поначалу взялся за дело резво. Зайдя с тыла, он начал было тащить застрявшего в противоположную сторону, вроде как даже выдернул его с топкого места, но при попытке разворота в сторону бетонки сам заелозил, завращал впустую гусеницами и обессиленно заглох. Кое-как вытащив бульдозер, его подцепили к застрявшему МАЗу с другой стороны – то есть опять со стороны бетонки – и снова начали тянуть. Многострадальный топливозаправщик был благополучно, по своей же колее, дотянут до прежнего места, где вновь накрепко застрял. Затяг провалилась. Начальство, сдвинув фуражки на потные затылки, закурило, сплёвывая на бетон и вяло поругивая понуро стоящего в сторонке водителя несчастного МАЗа.

А время, напомним, поджимало. Ситуация требовала действий скорых и неординарных. В конце концов командир батальона решительно отбросил окурки, прыгнул в свой «уазик» и, хлопнув дверцей, умчался в неизвестном направлении. Вернулся он часа через три. За ним, оглашая окрестности сдержанно-мощным рыком ехал «Ураган» – могучий четырёхосный тягач, способный буксировать танки и даже перевозить баллистические ракеты.

Километрах в семидесяти от Орловки, в районе Свободного, как раз там, где сейчас строится новый космодром «Восточный», в те времена располагались части ракетных войск стратегического назначения. Скорее всего, комбат отыскал это чудовище на колёсах именно там. Больше нигде.

(продолжение на стр. 14).

(начало на стр. 12-13)

К «Урагану» подцепили тянущийся от топливозаправщика трос. Тягач крикнул и... трос порвал. Привезли другой трос – потолще. Тогда «Ураган» вырвал у МАЗа прицепную серьгу. Трос зацепили за бампер. «Ураган» пыхнул солярным дымком, слегка напрягся и... вырвал у МАЗа бампер. С мясом. Дело принимало серьёзный оборот. Трос вновь завели на МАЗ, зацепив его на этот раз надёжней некуда – непосредственно за раму. «Ураган» взвыл, поднажал и... снова порвал трос. Усиленный. Игра пошла по-крупному. В глазах появился азарт. Отступать уже никто не думал. Сердца яростно колотились. Горячий пот застилал глаза. Привезли ещё два троса. Тоже усиленные. Экипаж «Урагана», задетый за живое, пожертвовал на спасение застрявшего МАЗа свой родной – танковый – трос. Его зацепили опять непосредственно за раму, два других троса намертво соединили друг с другом за кабиной топливозаправщика. Наступал момент истины. Водители заняли свои места. Зрители отступили на безопасное расстояние. Начальство реяло над схваткой.

Дали отмашку. «Ураган» упёрся всеми восьмью колёсами в бетон, бешено заревел и окутался сиреневым дымом. МАЗ, типа помогая ему, тихонько блял и сучил в грязи ножками. Троса напряглись и зазвенели. Крики достигли апогея и перешли в мат. «Ураган» неистовствовал. Резина горела. Бетон дрожал. Всё вокруг, как в бою, заволочло удушливым сизым дымом. Потом раздался протяжный скрежет, треск, лязг, и зрители увидели, как МАЗ, опрокинув мешавший ему брусстер земли, рванулся из плена. Раздались восторженные вопли, но тут же смолкли. За сорвавшимся с места, набирающим ход «Ураганом», опутанная тросами, как муха паутиной, тащилась по грунту... передняя часть топливозаправщика: кабина и половина рамы с передними колёсами, – задняя часть МАЗа, с цистерной, покинуто торчала на прежнем месте в развороченной грязи. Метров за пять до бетонки кабина МАЗа опрокинулась на бок. Было видно, как за грязными стёклами мечется, пытаясь вырваться на волю, обезумевший водитель. Народ закричал и засвистел. Но экипаж «Урагана», ничего не видя за клубами дыма и ничего не слыша за рёвом собственного двигателя, продолжал тащить остатки МАЗа вперёд. Кабина достигла бетонки и упёрлась в плиту, лобовое стекло лопнуло и высыпалось, а потом все увидели, как стальные троса, смяли, скомкали кабину, как бумажную, а затем, сорвав её с места, вновь поволокли дальше, уже по бетону – скрежеща и рассыпая искры – бесформенную, мёртвую, с глупо торчащими вбок залепленными грязью колёсами...

Водитель топливозаправщика остался жив. Его только здорово помяло и порезало рваным железом. Цистерну тоже вытащили. В тот же день. Тем же «Ураганом». А вот оторванный задний мост топливозаправщика так и остался зимовать где-то в грязи. Его даже не стали искать.

Вторая история, наоборот, начиналась трагически, а закончилась...

Дело было в октябре 85-го. На соседнем с нами аэродроме Украинка, где базировались «стратеги» – стратегические бомбардировщики Ту-95 – случилась беда: разбился самолёт. Экипаж погиб. Произошло это километрах в четырёхстах северо-восточнее – где-то за Экимчаном. Катастрофа есть катастрофа – событие само по себе малоприятное. Но эта катастрофа была особенной – на борту Ту-95 находились «специзделия». Или, говоря простым человеческим языком, – ядерное оружие. А вот тут уже, как говорится, шутки в сторону. «На уши» был поставлен весь Дальневосточный военный округ. Все дежурные силы были приведены в состояние повышенной боеготовности. Поисково-спасательные отряды без усталости утюжили район предполагаемого падения самолёта. Москва дышала в трубку. Ситуация осложнялась тем, что в Украинке на тот момент с инспекцией находился не кто-нибудь, а целый первый заместитель министра обороны СССР, главнокомандующий Объединёнными Вооружёнными Силами государств – участников Варшавского договора, маршал Советского Союза Куликов. А как известно, чем крупнее начальник, руководящий какой-либо работой, – тем выше градус царящей вокруг истерики.

(продолжение на стр. 15).

(начало на стр. 12-14).

Буквально за неделю до описываемых событий я был свидетелем наглядной иллюстрации этого правила. Мы – молодые лейтенанты – выполняли первые в своей жизни пуски ракет «воздух-воздух». Сначала нас инструктировал командир полка. Происходило это в спокойном деловом тоне. Затем приехал командир дивизии, и обстановка слегка накалилась. Потом состоялись явления инспектора армии, заместителя командующего армии по боевой подготовке и наконец – какого-то московского генерала. Лейтмотивом всех «инструктажей» было: «Не дай бог кто-нибудь из вас!..» Естественно, «заинструктировали» и запугали нас до такой степени, что в день стрельб мы шли к самолётам, в буквальном смысле, на дрожащих ногах. Результат закономерен: один из лейтенантов вместо кнопки «Пуск» нажал кнопку «Сброс», и ракета, вместо того, чтобы стартовать с пилона и поразить воздушную цель, спокойненько, вместе с пилоном, булькнула в тихие воды озера Ханка, над которым, собственно, и происходили стрельбы. Бедного лейтенанта, и так уже готового в раскаянье биться головой о крыло собственного самолёта, чуть было не заставили нырять в эту самую Ханку в поисках потерянной ракеты. Причём нырять, само собой, без акваланга.

Так вот. То была обычная ракета класса «воздух-воздух». К тому же не самая большая из ракет и отнюдь не самая секретная. А тут – «ядрёный» боезаряд! Мощностью в сотню Хиросим. Да не один! Опять же, там, на стрельбах, командовал обычный генерал-майор. Пусть даже и московский. А тут – маршал! Целый заместитель министра обороны. Причём – первый! Можете теперь себе представить всю степень накала истерии, сопровождавшей операцию по поиску погибшего Ту-95.

Самолёт упал поздно вечером. За ночь и за первую половину следующего дня место падения обнаружено не было. Тучи сгустились. Поисковики выбивались из сил. Замминистра нервничал. Начальственные флюиды носились в воздухе и нервировали экипажи.

В этой обстановке один из Ан-12, задействованных в поисках, набарражировавшись над тайгой почти до сухих баков, возвращался на аэродром Украинка для дозаправки. Маршрут его проходил как раз над Орловкой. Орловский руководитель полётов, услышав от командира экипажа Ан-12 доклад об аварийном остатке топлива, предложил тому совершить посадку в Орловке (от Орловки до Украинки по прямой – 15 километров). Может быть, в другой ситуации командир Ан-12 и решился бы на внеплановую посадку. Но мы помним: в тайге – «ядрёная» бомба; в Украинке – маршал. И орловский РП после драматичной «мхатовской» паузы услышал ответ на своё предложение: «Нормально... Дотянем...»

Но не дотянули. Керосин в баках Ан-12 закончился как раз над «дальним приводом», то есть в четырёх километрах до начала ВПП. Командиру экипажа не оставалось ничего другого, как, отдав штурвал от себя, идти на вынужденную посадку прямо перед собой – в чисто поле. Уже перед самым касанием экипаж увидел, что впереди, прямо по курсу посадки самолёта, метрах в двухстах, высится дорожная насыпь. Это как раз была та самая дорога, что шла из Серышево в сторону Орловки. Катастрофа была неизбежна. Наверняка, в это мгновение перед глазами командира экипажа предстало кошмарное виденье: искорёженные обломки родного самолёта и он сам – либо погребённый под этими обломками, либо безжалостно распятый на их фоне лично первым заместителем министра обороны. Тем временем гравитация неумолимо делала своё дело – самолёт соприкоснулся с планетой...

И вот тут заканчивается грустная история об авиакатастрофах и начинается весёлая история про... грязь. Да-да, про неё, родимую. Про спасительницу.

Ан-12 плюхнулся в поле и сразу же провалился почти по брюхо. Пропахав за собой широкую борозду, самолёт, не пробежав и ста метров, мёртво встал. Экипаж выдохнул. Оказалось, что не всё ещё потеряно, и что жизнь по-прежнему хороша. Даже несмотря на недалёкую неизбежную встречу с маршалом. Утерев холодный пот с лица, командир приказал экипажу осмотреть самолёт на предмет возможных повреждений, а сам принялся лихорадочно шарить по углам и сусекам в поисках большой банки вазелина, без которого, как он понимая, в ближайшее время ему придётся совсем туго.

(продолжение следует).

• Байки на скамейке

СЛУЧАЙНЫЕ СВЯЗИ

Народ на автобусной остановке говорил почему-то не о политике, что чаще всего бывает, хотя накануне состоялась на телевидении Прямая линия с президентом страны. Умы случайных собеседников на этот раз занимало искусство, возможно потому, что в основном ехали на ярмарку, которая обещала радость покупок и зрелищ.

– Да, смотреть сейчас стало нечего, – вздыхала гражданка лет шестидесяти в кокетливом беретике. – Вот раньше бывало, бразильские сериалы показывали. И взгрустнёшь, и порадуешься. А теперь одна стрельба да суды по всем программам.

– Не скажите, – отозвалась гражданка постарше в платочке, – суды тоже интересно смотреть. Как там присяжным трудно. Вот сегодня начальника одного обвиняли, тяжело им пришлось. Вина-то его случайная.

– А что, ему всё-таки присудили 15 лет? Я не досмотрела, – вставила третья, – а почему ты говоришь, что вина случайная?

– Случайно у него всё это вышло с секретаршей.

– Что случайно?

– Ну, это... Секс, – после заминки, потупившись, всё же изрекла стыдное слово гражданка в платочке.

Три дамочки помоложе насмешливо заулыбались, переглядываясь.

– Как это такое может случайно произойти?

– Может, может, – вставил пожилой мужчина, – с моей Муськой то и дело случайно происходит. Вроде и на улицу не выпускаем: глядь – опять с пузом. Не успеваю котят закапывать, хоть похоронную команду нанимай.

– Ну, вы и сравнили, Владимир Иванович. Не о кошках же речь идёт, о людях! Люди головой думать должны, – возмутилась Кокетливый беретик.

– Да он-то не хотел этого, – взялась опять защищать начальника из телепостановки сердобольная женщина в платочке. Потянуло их друг к другу. А она возьми да забеременей.

– Я и говорю, как моя Муська, – подлил масла в огонь мужчина. – И что ж, за это 15 лет?

– Да он-то её задушил потом, шарфиком, – пояснила сердобольная. – Уж очень несговорчивая оказалась. Денег ей предлагает, а она ни в какую: больше, мол, давай. Ну, он в азарте и не стерпел.

– Ну и нравы, – возмутилась дама в беретике. – Как вы его защищать можете?! Хотя и девицы теперь пошли, стоит заметить. Всё у них просто. Но не убивать же за это?

Подкативший автобус прервал стихийно возникшую беседу. На ярмарочной площади спорщики поначалу держались вместе, будто чувствуя какую-то общность. Потом каждый потянулся к интересующему его прилавку со снедью, теряясь в весёлой толпе. Объединяя всех, над площадью неслась песня. На дощатом помосте две девушки, с виду – школьницы, энергично вертя не успевшими сформироваться попами, радостно и звонко выкрикивали в микрофон:

О, Боже, какой мужчина!
Я хочу от тебя сына,
И я хочу от тебя дочку,
И точка...

А на асфальте перед сценой азартно вытанцовывал замысловатые «па» подгулявший мужичок бомжеватого вида. Он посылал юным певицам воздушные поцелуи, уверенный, что песня исключительно о нём.

Маргарита Петрова
г. Андреаполь

Выходит 1 раз в месяц.

Бесплатно, в том числе в электронном варианте.

Подписано в печать 15.08.2013 года

СВЕТЛЯЧОК

Печатный орган литературного клуба «Светлячок» при Андреапольской ЦБС (директор Белякова Н.В.)

Ответственный за выпуск: Петрова М.А. (председатель литературного клуба «Светлячок»)

Технический редактор: Афанасьева Е.Н.

Тираж – 150 экз.

Адрес редакции: 172800

г. Андреаполь, пл. Ленина, д.1.

Электронный адрес: andkniga@andrapol.tver.ru
web-сайт: andrapol.tverlib.ru